

ЗАПАХОВЫЕ НОМИНАЦИИ В АВТОРСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА И.А. БУНИНА

Стаття присвячена розгляду одоративних назв у творах І.О. Буніна з метою опису характерних рис картини світу письменника, а також виявленню фактів культури, що вплинули на його світогляд.

Ключові слова: мовна картина світу, одоративні назви, запах, культура, твори І.О. Буніна.

Статья посвящена рассмотрению одоративных номинаций в произведениях И.А. Бунина с целью описания характерных черт картины мира писателя, а также выявлению фактов культуры, повлиявших на его мировоззрение.

Ключевые слова: языковая картина мира, одоративные номинации, запах, культура, произведения И.А. Бунина.

This paper is devoted to the analysis of olfactory nominations in the works by Ivan Bunin and to the investigation of characteristic features of the writer's worldview and cultural facts that influenced his outlook.

Key words: language worldview, olfactory nominations, scent, culture, works by Ivan Bunin.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что язык является не только средством коммуникации, но и отражает взгляд на мир тех, кто на нем говорит. Так, Альвино Е. Фантини (Alvino E. Fantini) отмечает: «Languages are more than mere tools. They are, in fact, paradigms of view of the world» (Языки – более чем просто инструменты. Они являются, по сути, парадигмами видения мира [перевод наш]) [1: 1]. В связи с этим появляется интерес к языку как носителю мировоззрения определенного народа. То, что мы называем языковой картиной мира¹, а Дэн Мунхавк Алфорд (Dan Moonhawk Alford) предлагает обозначить термином *словесный мир* (wordworld), является важнейшей частью картины мира (worldview) [2: 1].

Значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре [3]. При этом также варьируются значения, состав лексики и т. п. Это в числе прочего обуславливает специфику той или иной языковой картины мира.

Наши знания о картине мира формируются также и относительно нашей языковой картины мира. Тут соединяются и индивидуальные особенности познания действительности, и всеобщие закономерности.

По В.Н. Манакину, на формирование различий языковых картин мира влияют три фактора, которые, в сущности, и составляют человеческое бытие: природа, культура, познание [4].

¹ **Языковая картина мира** – это отраженный средствами языка образ сознания-реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком [4].

Этот факт способствует появлению работ, в которых анализируются явления культуры через призму языка (примером могут служить работы К. Хреа, К. Фердензи, Д. Валентина и Х. Абди, изучающих и сравнивающих восприятие запахов представителями нескольких культур [5]).

В свете вышесказанного актуальной представляется проблема изучения той или иной индивидуально-авторской картины мира как фрагмента национальной языковой картины мира, рассмотрения того, каким образом в такой художественной картине мира сочетаются общеязыковые и индивидуально-авторские черты.

Объектом нашего анализа являются номинации со значением 'запах' в русском языке. При этом особенности номинаций указанного типа анализируются в разных сферах реализации языка, в том числе и в художественной речи.

В предлагаемой статье анализ обозначенных единиц осуществляется на примере произведений великого русского писателя И.А. Бунина, внимание которого к сенсорным, в том числе и запаховым, деталям широко известно. В работе основное внимание уделяется рассмотрению случаев употребления одоративных наименований, наиболее выразительно подчеркивающих отнесенность писателя к русской культуре, его самобытность.

Следует отметить, что спектр функций использования И.А. Буниным лексики со значением 'запах' довольно широк. Это и включение в пейзажные описания, портреты, и построение структуры рассказа, и характеристика взаимоотношений героев. Часто запахи используются автором для описания пространства: будь то город или деревня, Россия или заграница. Пейзажные зарисовки у И.А. Бунина практически не встречаются «чистыми», то есть вне связи с людьми. Например:

В селе весело замирает сердце от спуска с необыкновенно крутой каменистой горы и от новизны, богатства впечатлений: в селе мужицкие дворы все большие, зажиточные, с древними дубами на гумнах, с псеками, с приветливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными однодворцами, а под горой извивается в тени высоких лозин, усеянных орущими грачами, глубокая черная речка, прохладно пахнущая и этими лозинами, и сыростью низины, на которой они растут [6: 45].

Ландшафт, строения, люди, река, растительность – все это переплетается в одну картину. Умение видеть прекрасное в обыденном было свойственно И.А. Бунину и отличало его от символистов, находивших красоту только в чем-то неземном. В данном примере проявляются все три составляющих картины мира: природа, культура и личное видение автора.

Через бунинские описания проступает быт и культура россиян рубежа XIX – XX веков. В рассказах и повестях писателя, посвященных деревне, ольфакториальные наименования особенно часто входят в состав бытописаний. Например:

За косьбой же наступила возка. Эта работа еще трудней. Это еще хуже – всаживать вилы в толстый, сухо-упругий сноп, подхватывать скользкую рукоятку вил коленом и с маху, до боли в животе, вскидывать эту великоленную тяжесть на <...> воз... а потом опутывать его тяжело-зыбкую, со всех сторон колющую и душно пахнущую ржаным теплом гору жесткими веревками, изо всех сил стягивать ее ими, туго-натуго захлестывать их <...> [6: 174].

Одоративные номинации, обозначающие запахи сена, навоза, хозяйственных построек, чада из кухонь, дыма играют значимую роль в изображении писателем картин сельской жизни. Они помогают автору с большей полнотой показать особенности быта деревни, а также проявить свое отношение к нему.

Совсем иначе «пахнет» у И.А. Бунина город:

А какой пахучий был этот город! Чуть не от заставы, откуда еще смутно виден был он со всеми своими несметными церквами, блестящими вдали в огромной низменности, уже пахло: сперва болотом с непристойным названьем, потом кожевенными заводами, потом железными крышами, нагретыми солнцем, потом площадью, где в базарные дни станом стояли съезжавшиеся на торг мужики, а там уже и не разберешь чем: всем, что только присуще старому русскому городу... [6: 86-87].

Отмечая большое разнообразие запахов города, автор дает возможность читателю самому представить их, опираясь на собственный ольфакториальный опыт. Делает он это при помощи конструкции с местоимением: *пахло <...> всем, что только присуще старому русскому городу*. Практически всем городам, деревням, местностям писатель дает запаховую характеристику, наделяя их, тем самым, жизнью: ведь запахи исходят от людей. Городов без людей не бывает, а значит, не бывает и городов без запахов.

Наличие запахов в произведениях И.А. Бунина дает нам представление об их наличии в современной ему действительности. В настоящее время ученые отмечают сокращение употребления лексики со значением ‘запах’ в связи со сплошной дезодорацией окружающей человека среды и изгнанием неприятных запахов за пределы цивилизации [7].

И.А. Бунин описывает знакомую и горячо любимую ним Россию. При этом своеобразным контрастом проступают линии прошлого – эпоха уходящего дворянства, к которой принадлежит сам писатель, – и будущего – революционной России. Неслучайно, исследователи В.П. Абрамов и С.В. Бревнова выделяют в идиостиле писателя семантическое поле ‘древности’, в рамках которого существует антитеза «старина — новое». «Старое» здесь надделено положительными характеристиками, а «новое» — выпадает из всех координат, ценностей и смыслов («Антоновские яблоки», «Чистый понедельник» и др.) [8].

В «Антоновских яблоках» поле ‘времени’ пересекается с полем ‘запаха’. Стоит отметить, что рассказ этот насыщен сенсорными деталями, которые подаются в виде воспоминаний. Уже в начале произведения видим:

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. <...> Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег [9: 41].

Удивительно, сколько различных деталей воссоздает авторская память. Начиная со времени года, суток и заканчивая цветом, запахом, звуком. Весь рассказ построен из подобных воспоминаний. Невольно приходит в голову выражение другого русского писателя-эмигранта, Владимира Набокова, который отмечал: «<...> как известно, память воскрешает все, кроме запахов, и зато ничто так полно не воскрешает прошлого, как запах, когда-то связанный с ним» [10]. Запахи многих реалий упоминаются Буниным, но запах антоновских яблок становится своеобразным рефреном. Очевидно, с этим запахом

связаны наиболее дорогие воспоминания, которые автор хочет «воскресить». Встречаясь читателю несколько раз, он откладывается в сознании как лейтмотив темы уходящего дворянства, одной из главных тем творчества писателя.

Помимо антоновских яблок есть в одноименном рассказе и другие запахи. Например, запах книг:

Славно пахнут эти похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой, шершавой бумагой! [9: 51].

В отличие от яблок, которые являются символом материальной культуры, книги – это знак духовности дворянства, традиций и ценностей.

Стоит заметить, что то, что касается духовных памятников, реликвий, предметов старины, чего-то вечного и нетленного, как правило, связывается писателем с наличием приятных, «возвышенных» запахов, в отличие от описаний смерти, носящих резко негативный характер:

Пряно, сухо и тонко пахло – священный аромат мумий, как бы сама душа загадочной египетской древности. <...> А пройдя между гробами в вестибюле, я вступил в залы, блистающие мертвенной чистотой и полные других гробов. И здесь оно, это тонкое и сухое благовоние, древнее, священное! [11: 330].

В данном описании подбор лексем с запаховым значением помогает нам глубже понять отношение автора к предметам древности. И если *аромат* – это просто приятный запах, то *благовоние* – явная отсылка к традиции. Сам автор снабжает данные запахи эпитетами, еще больше подчеркивающими уважительное и трепетное отношение к древности: *пряно, сухо и тонко; священный; тонкое, сухое, древнее, священное*. Употребленное художником слово *душа*, этимологически родственного слову *дух, душистый*, вполне оправдывает введение в контекст одоративных номинаций, ведь наличие запаха — это, в некотором роде, наличие души.

Когда речь заходит о смерти обыденной, смерти как физическом явлении, используются обычно, как отмечает М.Н. Одинцова, запаховые номинации с корнем *смерд-*. Например, в «Несрочной весне»:

Видишь ли, случилось, разумеется, чудо: некто уже тлевший в смрадной яме, не погиб, однако, до конца, подобно тысяче прочих, сваленных с ним в эту яму [12].

Как видно из вышесказанного, И.А. Бунин отдавал предпочтение древнему, старому строю, поскольку считал его более ценным, нежели то, что несла революция. Писатель боялся крушения созданных веками традиций, поэтому все новое сопровождается описаниями с отрицательными запаховыми оценками (наиболее яркие примеры можно найти в Дневниках писателя, особенно, в «Окаянных днях» [13]).

Таким образом, язык произведений И.А. Бунина дает нам представление о целой эпохе из истории России, в которой ему довелось жить, о тех переменах, которые в это время происходят. Противопоставление старого новому, обращенность к теме уходящего дворянства, патриархального быта позволяет нам увидеть в авторе человека глубоко укорененного в русской культуре и переживающего об ее будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fantini, Alvino E. Language and Worldview // Journal of Bahá'í Studies. – Vol. 2, Number 2 (1989). – режим доступа: <http://www.bahai-studies.ca/journal/files/jbs/2.2%20Fantini.pdf>
2. Alford, D.M. Manifesting worldview in language // Social and Cultural Anthropology Program California Institute of Integral Studies. – <http://www.sunflower.com/~dewatson/alford.htm>
3. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М., 1989, с. 34-35.
4. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. / В.Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 326 с.
5. Chrea, C., Valentin, D., Sulmont-Rossé, C., Nguyen, D. H., & Abdi, H. (2005). Semantic, typicality and odor representation: A cross-cultural study. *Chemical Senses*, 30, 37-49.
6. Бунин, И.А. Жизнь Арсеньева: роман. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 448 с.
7. Vida, V. Scents and Sensibility: Has American fiction been deodorized? // Posted Tuesday, Oct. 12, 2004. – Режим доступа: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/book_bltz/2004/10/scents_and_sensibility.html
8. Абрамов, В.П., Бревнова, С.В. Семантические поля художественного текста в идиостиле И.А.Бунина // Филология как средоточие знаний о мире. Юбилейный сб. М.; Краснодар: АПСН; КубГУ, 2008. С.432-436.
9. Бунин, И.А. Повести и рассказы / И.А. Бунин [сост. А.А. Девель] – Л.: Лениздат, 1985. – 639 с., портр. – (Мастера русской прозы XX века).
10. Набоков, В. Машенька. – Режим доступа: <http://lib.ru/NAVOKOW/mary.txt>
11. Бунин, И.А. Стихотворения. Рассказы. Повести / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1973. – 527с.
12. Одинцова, М.В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И.А. Бунина (Аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцова Мария Владимировна – Моск. гос. обл. ун. – М., 2008. – 27 с.
13. Бунин, И.А. Окаянные дни. – СПб.: Издательская группа «Азбука – классика», 2009. — 320 с.